

Автор благодарит Фонд морской торговли Пруссии и Институт имени Гёте в Японии (Вилла Камогава) за поддержку ее работы над этой книгой

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

*Хочешь узнать
Сосновые острова —
Ступай к соснам.*

Мацуо Басё

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Ему приснилось, будто жена ему изменила. Гильберт Сильвестер проснулся сам не свой. Подле него по подушке расположились пряди черных волос Матильды, словно щупальца злобной медузы, угодившей в смолу. С каждым вздохом толстые пряди едва заметно шевелились, подкрадываясь к нему. Он тихо встал и пошел в ванную, долго тупо пялился на себя в зеркало. Не позавтракав, вышел из дома. Вечером вернулся с работы в том же состоянии: как будто ударили по голове, почти оглушили. За день сон не улетучился, даже не поблек, «пустой сон», какая глупость, разве же он пустой! Совсем наоборот! Этот ночной кошмар все крепчал, становился все убедительнее и правдоподобнее. Совершенно ясное предупреждение, это его подсознание, его бессознательное предостерегает его наивное, ничего не подозревающее Я.

Он зашел в коридор, театрально уронил портфель и призвал жену к ответу. Она все отрицала. От этого он лишь утвердился в своем подозрении. Матильда стала какой-то чужой. Другой.

Неестественно резкой. Возбужденной. Пристыженной. Она обвинила его, что он рано утром ускользнул из дома, даже с ней не попрощался. Она. Беспокоилась. Как. Ты. Можешь. Только. Бесконечные упреки. Отвлекающий маневр. Свалит всю вину на него. Это уж слишком. Он такого не позволит.

Впоследствии он не мог вспомнить: наорал ли он на нее (весьма вероятно), ударил (он мог) или плонул в нее (ну...), может, в гневе он и брызгал слюной, но, как бы то ни было, он схватил что-то из вещей, кредитные карты и заграничный паспорт и ушел из дома, пошел по мостовой вдоль улицы, жена за ним не бросилась, не звала его, он шел дальше, сначала медленно, потом быстрее, пока не нырнул в ближайшую станцию метро. Он исчез под землей, как сомнамбула, так его могли бы описать со стороны, проехал через весь город и вышел только в аэропорту.

Он провел ночь в терминале В, неуютно скривившись на двух металлических чашеобразных стульях. То и дело заглядывал в смартфон. Ни одного сообщения от Матильды не было. Наутро вылетел самым ранним межконтинентальным рейсом, на какой только сумел купить билет.

В самолете, пока летели в Токио, он пил зеленый чай, посмотрел два фильма о самураях — с экрана в спинке переднего кресла — и все больше убеждался, что поступает совершенно правильно, более того, что по-другому и поступить-то было

нельзя, что все к тому шло и что и дальше оно неизбежно именно так и должно складываться, так считал он, так считал весь мир.

И не надо. И пожалуйста. Он отказывается от своих прав. На здоровье, путь свободен. Берите, кому что надо. Наверное, этому капризному мачо, ее шефу, директору школы. Или тому смазливому юнцу, молокососу, едва доросшему до совершеннолетия, стажеру, которого Матильда опекала. Или еще кому-нибудь из ее навязчивых неприятных коллег. Если женщина — он бессилен. Если мужчина — время, вероятно, на стороне мужа. Надо выждать, посмотреть, как оно пойдет дальше, а там она, глядишь, и образумится. Запретный плод сладок, но быстро приедается. Но вот если женщина — это всё. Жаль, сон по этому пункту разъяснений не давал. Но в целом он был достаточно четок. Даже очень. Как предчувствие. Да он и догадывался. Давно уже. С чего бы еще Матильда пребывала в последние недели в таком солнечном настроении? Прямо светилась! И так подчеркнуто дружелюбна с мужем? Это чертово дипломатичное дружелюбие! День ото дня оно становится все более невыносимым, давно бы ему знать, что за этим скрывается. Долго же ей удавалось водить его за нос. А он и рад был, вот дурак! Развесил уши, прошляпил жену, привык бесконечно доверять.

Японская стюардесса с длинными черными волосами и причудливой прической, как

у гейши, чарующе улыбаясь, наливала ему чай. Улыбка, разумеется, предназначалась не ему лично, но действовала на него как бальзам на рану. Он потягивал чай и любовался этой улыбкой, которая, как будто приклеенная, неизменная, словно маска, не сходила с лица стюардессы, пока та проходила мимо рядов кресел. Она дарила эту улыбку каждому из пассажиров, настойчиво и постоянно, с одним и тем же блестательным результатом.

Он всегда боялся, что станет для Матильды скучен. Внешне их отношения не изменились, но он давно уже не мог предложить жене ничего интересного — ни увлекательного общения, ни гениального приключения, ни глубины характера.

Он — невзрачный кабинетный ученый, приват-доцент. В профессора не вышел, семья подкачала, нужных связей не приобрел, угодливости не научился, прислуживать не умеет. Слишком поздно обнаружил, что в университетской системе наука даже не на втором месте, а вовсе на третьем, на первом же — власть и иерархия. Он ошибся. Он бесконечно ошибался. Критиковал своего научного руководителя. Вечно лез со своим мнением. А когда надо было заявить о себе и чем-нибудь похвастаться, он, зашуганный, наоборот, сидел тихо и не высовывался.

Пока под ним небо затягивалось густыми облаками, он перебирал в памяти прошлые годы,

серую череду унижений и неудач. В юности он верил, будто он умнее других и выделяется из толпы, презирал приспособленцев с их грошовым уютом и разгадывал тайны бытия острым умом философа. С годами же он оказался не у дел, цеплялся то за один проект, то за другой, и обнаружил, что его бывшие друзья, некогда двоечники безо всякого собственного мнения, в профессии давно его обскакали. А ведь они, если уж честно, и в деле-то разбираются гораздо хуже него. Но они умеют приспосабливаться к обстоятельствам и у них есть эта смекалка, сообразительность — вещь, незаменимая в карьере.

Другие обзаводились семьей, уютно устраивались в собственных домах, обрастили обычной буржуазной рутиной, он же вынужден был перебиваться убогими заработками, выполнять идиотскую работу, которую ему навязывали те, кого он в глубине души презирал. Годами он жил в страхе: вдруг он утонет в этой мути, и ни одна светлая мысль больше никогда не придет ему в голову. Потом страх сменился равнодушием ко всему. Гильберт просто делал, что от него требовалось, тратил свое остроумие на самые бездарные тупые занятия и с годами, даже с десятилетиями просто «сменил окраску»: со всем согласился, свое вечное противоположное — на постоянное за.

Японская стюардесса принесла дымящийся короб и длинными металлическими щипцами

протянула ему свернутое горячее махровое полотенце. Он механически протер руки, обмотал полотенце вокруг запястья, так что обжигающий жар запульсировал под кожей. Этот обычай всегда идет на пользу, подумал он, странный полет, здесь все продумано, чтоб его успокоить. Он провел салфеткой по лбу, материнская рука, когда температуришь, удивительно приятна, но салфетка уже начинает остывать. Он положил ее на лицо, всего на пару секунд, пока она не превратилась в обычную холодную, мокрую тряпку.

Сейчас он работал над новым проектом — на этот раз как эксперт по фасонам и прическам для бород. Более чем сомнительная тема, конечно, однако она обеспечила его на годы стабильным доходом. Со временем эта нелепая история даже стала ему нравиться, как-то ему удалось влиться, впрочем, так оно обычно и бывает: процесс затягивает, становятся интересны детали и мелочи, выстраивается определенная система, чем глубже в тему — тем интереснее. У него вообще по жизни всегда всё так: в автошколе его восхищали правила дорожного движения, в танцевальной школе — последовательность движений, он умел безо всякого волшебства срастаться с любой темой.

Гильберт Сильвестер был исследователем бород, бородоведом по гранту, который спонсировали кинопромышленность земли Северный Рейн—Вестфалия и отчасти — феминистическая

организация Дюссельдорфа и еврейская община Кёльна. Он исследовал, как изображаются бороды в кино и как это воздействует на аудиторию. Речь шла о культурологических аспектах и гендерной теории, о религиозной иконографии и возможности философской экспрессивности посредством изображения.

Как всегда, это был научный проект, результаты которого были заранее определены. Гильберт прилежно трудился, собирал материал, складывал вместе детали, обосновывал значимость материала его же обилием и разнообразием, доказывал применимость всеобщих культурологических выводов и тем самым в конце концов подтверждал влияние на зрителя во всем мире.

По утрам он приходил в библиотеку, выключал телефон и погружался в живопись итальянских мастеров, в мозаики и средневековые книжные иллюстрации. Изображения бород находились везде во все времена, и он только удивлялся, отчего до сих пор никто не занялся изучением такого основополагающего исторического явления. «Мода на бороду и образ Бога» — так звучала его главная тема, которая каждый день электризовала его, казалась неисчерпаемо плодотворной и одновременно вгоняла в депрессию своей полной абсурдностью.

Он ностальгически держался еще за привычки своей школьной поры, как за последний бастion личного сопротивления. Писал от руки

перьевой чернильной ручкой в тетради вроде вахтенного журнала, в черной обложке, прошитой нитками. Десятилетиями — кожаный ранец, никаких нейлоновых рюкзаков. Годами — в одной и той же рубашке и пиджаке. В школе ему таким образом удалось приобрести статус повышенного интеллектуала. Теперь же эти чудачества стали признаком его поражения. Он цеплялся за давно отжившие ценности и атрибуты прошлого, за старые и прошлогодний снег. Он еще пытался носить постмодернистские галстуки и платки неоновых цветов. Всё зря. В университете он прослыл реакционером и декадентом. От сигаретного дыма у него болела голова. Футболом он не интересовался, мяса не ел.

Он еще раз протер ладони, разложил белый махровый квадрат полотенца на своем столике и оставил так.

Внизу среди облаков показалась Сибирь. Мощный поток Оби со множеством притоков змеился по лесам и болотам. На экране макет самолета по пунктиру двигался от Томска к Красноярску и далее к Иркутску.

Европейская часть России, Сибирь, Монголия, Китай, Япония — маршрут проходит исключительно над чайными странами. Гильберт Сильвестер прежде всегда категорически не принимал страны с повышенным потреблением чая. Он путешествовал в страны кофейные — Францию, Италию; после посещения очередного

музея баловал себя чашкой кофе с молоком в каком-нибудь парижском кафе или в Цюрихе заказывал себе кофе со взбитыми сливками; он любил венские кофейни и все культурные традиции, с ними связанные. Традиции ясности, четкости, присутствия, различимости. В кофейных странах все ясно и очевидно. А в чайных — сплошь туман и мистика. В кофейных странах так: заплати немного денег — получишь что хотел, даже немного скромной роскоши, если приплатишь сверху; в чайных странах, чтобы получить то же самое, приходится изрядно напрягать воображение. Никогда бы не поехал по своей воле в Россию, в страну, где ты вынужден воздействовать фантазию для самых банальных повседневных вещей, даже если речь идет всего лишь о чашке нормального зернового кофе. По счастью, ГДР после объединения из чайной страны превратилась в кофейную.

И вот вам пожалуйста: его, Гильберта Сильвестера, собственная жена гонит в самую что ни на есть чайную страну! Более того, он готов даже рассматривать Японию с этой ее тягомотной, претенциозной, жеманной, неестественно раздутой чайной культурой как высшее воплощение чайной страны, что для него еще мучительнее, а со стороны Матильды очевидный садизм — так его терзать, но теперь уж он не остановится, он в эту Японию прилетит из одного только упрямства, из гордости.